УДК 323.282

АГЕНТОМАНИЯ – ИНСТРУМЕНТ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Корнейчук Борис Васильевич,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), профессор департамента экономики, доктор экономических наук, профессор, г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: bkorneychuk@hse.ru

Аннотация
Определено понятие «агентомания», исследованы институциональные корни и исторические формы агентомании. Рассмотрены политические функции и механизм агентомании в советский период. Показаны элементы агентомании в современной российской политике и экономике.

Ключевые понятия:
иностранный агент, шпиономания, сталинские репрессии, диссиденты, советская история.

Объективные исторические условия обусловливают возрождение элементов советской системы в современной России. Вовлеченность страны в ряд региональных военных конфликтов на фоне международных санкций и системного экономического кризиса способствуют ее мировой изоляции в экономической, политической и культурной сферах. Изоляционистские тенденции развития общества усиливаются антизападной риторикой ведущих политиков и средств массовой информации, которая порождает в общественном сознании враждебное отношение к ряду западных стран и формирует психологическую основу для поиска «врагов» и «предателей» внутри страны. Складывается ситуация, сходная с советским периодом: года обвинения политических оппонентов в деятельности, выполняемой в интересах иностранных государств, служили неотъемлемым элементом внутренней политики. Однако данный феномен до сих пор не стал объектом специальных исследований, в то время как в последние годы термины «пятая колонна», «иностранные агенты» и «нежелательные организации» прочно утвердились в лексиконе политической элиты и активно используются для ограничения деятельности оппозиционных активистов и некоммерческих организаций с иностранным финансированием. Статья призвана заполнить этот пробел, в ней поставлены следующие задачи:

– ввести в научный оборот термин «агентомания» как более широкое понятие по сравнению со «шпиономанией»;

– исследовать институциональные корни и особенности агентомании в различные периоды советской истории;

– определить политические функции и механизм агентомании;

– выявить элементы агентомании в современной российской политике.

Под агентоманией мы понимаем спланированное воздействие государственной власти на общественное мнение, направленное на дискредитацию политических противников посредством бездоказательного их обвинения в деятельности, направленной на достижение целей иностранных государств. В отличие от шпиономании обвинения в данном случае обычно завуалированы, не содержат четких юридических формулировок и допускают двусмысленные толкования.

Агентомания в России имеет институциональные причины, обусловленные отсутствием демократических традиций.

При царском режиме конспирация господствовала как стиль ведения политики, а политические явления рассматривались как следствие тайных придворных интриг. Для каждого важного явления искались скрытые причины, а поэтому поражения русской армии в Первой мировой войне связывались с действием шпионов и агентов. Измена стала исчерпывающим объяснением всех военных и экономических проблем, а внимание общества было направлено на внутренних врагов. На волне шпиономании в марте 1915 г. был казнен за измену полковник С.Н. Мясоедов, виновность которого оспаривается историками Г. Катковым, К. Шацилло и А. Тарсаидзе. Данный процесс, в рамках которого были арестованы тридцать человек, включая жену, любовницу и коллег обвиняемого, фактически утвердил принцип презумпции виновности, который был положен в основу сталинских репрессий [14].

В качестве средства политической борьбы агентоманию одним из первых применил В. Ленин, в работах которого термин «агент» появился спустя два месяца после казни С.Н. Мясоедова. В августе 1914 г. Вильгельм II приказал ассигновать большую сумму на революционную пропаганду в России, после чего Ленин получил пять тысяч долларов на издание газеты «Социал-демократ», которая с помощью немецких властей переправлялась в Россию. Основные потоки денег поступали через немецкого агента А. Парвуса [13]. В мае 1915 г. состоялась тайная встреча Ленина с Парвусом, и именно тогда вождь впервые применил термин «агент» против своих оппонентов, избрав тактику «лучшее средство защиты есть нападение». В работе «Крах II Интернационала» он назвал оппортунистов политическим отрядом буржуазии, проводником ее влияния, агентами в рабочем движении. В статье «Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории» он пишет: «На деле руководители современной немецкой с.-д. партии, включая Каутского, совершенно такие же агенты буржуазии, какими назвал Энгельс давно уже фабианцев… они якобы представляют революционный пролетариат, а на деле суть агенты по проведению в пролетариат буржуазных, шовинистических идей» [8, с. 266–278].

В советский период использование агентомании во внутренней политике получило этическое обоснование в рамках господствующей марксистской идеологии, основанной на тезисе об антагонизме общественных классов и неизбежности диктатуры пролетариата.

К концу 1920-х годов наибольшая опасность для советской власти исходила от крестьянства, которое поэтому в первую очередь уничтожалось посредством коллективизации. Другой угрозой являлась интеллигенция, и главным оружием в борьбе с ней стала агентомания. В 1930 г. экономисты Н. Кондратьев и А. Чаянов были причислены к агентам мирового капитализма: «Эти – люди, которые являются провокаторами, настоящими провокаторами и агентами капитализма, производят смехотворную попытку обработать «правительство» [9]. В период «Шахтинского дела» и процесса над «Промпартией» прокуроры стремились доказать связь обвиняемых с мировым империализмом и внутренней оппозицией, тем самым компрометируя «оппозиционеров» и подготавливая общественное мнение к их физическому уничтожению. «Вредители получали за свою гнусную работу деньги от иностранных капиталистов. По заданиям капиталистов они пытались вызвать голод в нашей стране, расстроить и сорвать снабжение трудящихся масс… Настоящим хозяином «Промышленной партии» был международный империализм, готовящий вооруженное нападение на страну Советов. Его агенты поджигали и взрывали наши заводы, ломали машины, заливали шахты… Оппортунисты – агенты классового врага, против генеральной линии партии, против ее руководства» [15].

Важной целью агентомании в сталинскую эпоху стало закрепление в сознании людей образа ВКП(б) как единственной политической силы, способной спасти страну от внешней угрозы. «Наша партия перешагнет через все препятствия, которые пытались и еще будут пытаться создавать на нашем пути троцкистско-зиновьевские и бухаринские бандиты, все агенты фашизма, действующие по заданиям гестапо», «фашизму удалось купить несколько десятков растленных подлецов, продавшихся со всеми потрохами капиталистам и их разведке. Но ему не удастся поколебать единства советского народа, сплоченного вокруг партии Ленина–Сталина» [18].

Следствием сталинских репрессий стало изменение смысла слова «агент», которое изначально имело чисто юридическое содержание. Словарь В. Даля определяет агента как человека, получившего некоторое задание от другого субъекта, – это делец, ходатай, старатель, стряпчий, поверенный, приказчик. Однако словарь

Д. Ушакова, изданный в 1935 г., дает новое толкование с размытым смыслом и идеологической подоплекой, которое сохранилось до сих пор. Агент теперь есть также лицо, группа или общество, проводящие чьи-нибудь идеи или служащие чьим-либо интересам, так, например, «социал-демократия является в данный момент агентом империализма».

Идеологическую сущность новой трактовки слова «агент» раскрыл В. Молотов в 1980-е годы. Он не считал Берию агентом в юридическом смысле, но называл этим термином, поскольку его действия якобы шли на пользу империализма: «Не надо быть официальным агентом, но если делать такое, значит, ты выполняешь роль агента империализма. Этого многие не могут понять, но вам это надо понимать…. Я считаю Берию агентом империализма. Агент не означает шпион». В рассуждениях Молотова понятия «иностранный агент» и «пятая колонна» служат синонимами «врагов народа», он пишет: «1937 год был необходим. Мы обязаны тридцать седьмому году тем, что у нас во время войны не было «пятой колонны» [17, с. 410, 464].

С учетом сказанного введенный законодателем термин «иностранный агент» в отношении НКО является неудачным[1]. Мы не можем согласиться с утверждением, что «в самом термине «иностранный агент» нет ничего предосудительного – это вовсе не шпион, как полагают некоторые. Тут чистая юриспруденция»[2]. Депутат С. Миронов обоснованно полагает, что «введение в русский язык кальки «иностранный агент» в нашей стране с опытом тоталитарного режима носит явно выраженный негативный характер»[3] .

Третья волна агентомании поднялась в послевоенный период, когда в страну из Европы вернулись фронтовики, которые могли быть «заражены» идеями демократии. На первом этапе кампании, которой был придан националистический характер, термин «агент» использовался редко. Так, А. Жданов обвинил журнал «Звезда» в том, что он «стал журналом без направления, стал журналом, помогавшим врагам разлагать нашу молодежь» [6]. Академик Г. Александров высказывался в том же духе: «Теперь каждому советскому человеку ясно, что космополит – холуй буржуазии, враг социалистической Родины, призывающий похоронить интересы своего народа, предать эти интересы ради так называемого «мирового человечества», т.е. в угоду интересам англо-американского империалистического блока» [1, с. 184, 185].

Дозированное использование термина «агент» на первом этапе кампании против «космополитов» можно объяснить установкой Сталина на проведение «мягких» репрессий в послевоенной стране. Так, «Литературная газета» обвинялась в шараханьях из крайности в крайность и оскорблении литературных критиков, которых якобы только она называла прямыми агентами врага. За эти «перегибы» главный редактор был уволен [12, с. 66, 236]. Во второй части кампании, основанной на процессе над «врачами-убийцами», инструментарий агентомании применялся уже в полном объеме, а текст хроники ТАСС был выдержан в стилистике 30-х годов: «Участники террористической группы врачей состояли на службе у иностранных разведок, продали им душу и тело, являлись их наемными платными агентами… Разоблачение шайки врачей-отравителей является сокрушительным ударом по американо-английским поджигателям войны. Поймана и обезврежена их агентура»[4].

В качестве инструмента репрессий термин «агент» был использован последний раз в «деле Берии». На июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г. его называли «агентом чужого лагеря», «агентом классового врага», «агентом международного империализма». Но в докладе Н.С. Хрущева на XX съезде партии термин «агент» встречается лишь в замечании (встреченном смехом зала) о том, что «в результате своей крайней мнительности и подозрительности Сталин дошел до такого нелепого и смехотворного подозрения, будто Ворошилов является английским агентом» [16, с. 163]. Вот так с юморком, под подобострастный смех депутатов съезда завершился кровавый период репрессивной агентомании.

К моменту возведения «железного занавеса» монополия советской власти была нерушима, и методы агентомании применялись лишь для общественной изоляции отдельных диссидентов. В кампании про-

[1] Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента».

[2] Российская газета. 4 июля 2012 г.

[3] Российская газета. 9 июля 2012 г.

[4] «Правда». 13 января 1953 г.

тив А. Солженицына секретариат правления и партком московской организации Союза писателей РСФСР постановили, что его поведение «вышло за рамки литературы и должно квалифицироваться как предательство Родины». Рассекреченные партийные документы показывают действие механизма агентомании. На заседании Политбюро 7 января 1974 г. И. Капитонов предложил для разоблачения Солженицына «вывернуть его наизнанку», а А. Косыгин сформулировал главное содержание «разоблачения», т.е. идеологический шаблон, предназначенный для тиражирования средствами массовой информации: «Солженицын куплен буржуазными компаниями, агентствами и работает на них». Именно такое обвинение было опубликовано в газете «Правда» через неделю, а через месяц в протоколе Секретариата ЦК КПСС появляются сходные формулировки, повторяющие установку Косыгина, но уже в стиле 30-х годов: «Солженицын... вступил в постоянный контакт с враждебными советскому народу зарубежными издательствами и органами печати... Он пошел по пути прямого сотрудничества с... организациями, являющимися филиалами капиталистических разведок... Деятельность в ущерб государственным интересам, переход на сторону врага... является государственным преступлением – изменой Родине и может караться самым суровым наказанием» [4, с. 90, 182, 207, 208].

Более тонкие приемы агентомании были применены против академика А. Сахарова. Перед заседанием съезда народных депутатов 2 июня 1989 г. в фойе появились компрометирующие его листовки, а на самом заседании депутат от комсомола потребовал у академика сообщить, по чьему поручению он дал интервью канадской газете, намекая на некие внешние силы. В интервью говорилось о том, что в Афганистане с советских вертолетов расстреливали своих солдат, попавших в окружение, чтобы они не могли сдаться в плен. Депутат обвинил Сахарова в помощи врагам страны, хотя термин «агент» не использовал: «Мы... возмущены этой... провокационной выходкой известного ученого и расцениваем его безличностное обвинение как злонамеренный выпад против Советских Вооруженных Сил». Это была запланированная акция: депутаты вскочили с мест и кричали «Позор, долой!», а бригадир совхоза высказала Сахарову «всеобщее» презрение: «Стыдно должно быть!». Некий полковник сообщил, что читал эту статью и всё в ней «ложь и клевета», в то время как даже сам Сахаров не видел выпуска этой малоизвестной газеты [7, с. 29, 31].

В последние годы элементы агентомании наблюдаются в российской политике. Так, авторы телефильма «Анатомия протеста» утверждали, что протестные акции 2011–2012 гг. были проведены на иностранные деньги, а их участники кормятся «печеньками госдепа». Идею фильма поддержали некоторые политики, а депутат И. Яровая обвинила оппозиционеров в тяжких преступлениях: «Герои фильма – не политики, не оппозиция, а примитивные уголовники. Это люди, которые, судя по всему, за деньги готовы совершать любые преступления. Они представляют угрозу безопасности жизни и здоровья граждан России и, судя по материалам фильма, ничем не отличаются от террористов, уголовников и кормятся из одних и тех же рук»[5]. Данное высказывание почти дословно повторяет обвинение А. Вышинского на процессе антисоветского троцкистского центра в 1937 г.: «Это не политическая партия. Это – банда преступников, представляющих простую агентуру иностранной разведки... Этим «политическим деятелям» ничего не стоило развинтить рельсы, пустить поезд на поезд... из-за угла убить инженера, честно работающего. Поджечь завод. Взорвать в динамитной яме забравшихся туда детей» [11, с. 11–21, 177–185].

Другой депутат следует логике А. Вышинского, который допускал в политических процессах бездоказательные обвинения: «Мы склонны верить всем тем фактам, которые упомянуты в документальном фильме «Анатомия протеста-2». Эта вера основана на нашем собственном предположении о существовании прямой связи «новых русских революционеров» с зарубежными центрами, особенно в Грузии, странах Балтии, США и др.»[6]. На процессе антисоветского троцкистского центра также не было представлено никаких доказательств виновности обвиняемых, при этом Вышинский утверждал, что на политическом процессе не должно и не может быть доказательств: «Мы имеем заговор, который связал заговорщиков с зарубежными фашистскими силами. Как можно поставить в этих условиях вопрос о до-

[5] Российская газета. 8 октября 2012 г.
[6] Российская газета. 8 октября 2012 г.

казательствах? ...Я беру на себя смелость утверждать, что в согласии с основными требованиями науки уголовного процесса, что в делах о заговоре таких требований предъявить нельзя» [11, с. 177, 211].

Проведенный анализ агентомании позволяет обнажить истинную, неэкономическую первооснову набирающей силу «мобилизационной» доктрины экономических реформ, сторонники которой исходят из реальной опасности внешней угрозы и предлагают жесткие меры по национализации и централизации, характерные для хозяйства военного времени. В практической плоскости стрелы их критики направлены на деятельность Центрального банка, который служит неким символом рыночной системы. Так, С. Глазьев допускает приверженность руководства ЦБ неким чуждым стране интересам и считает, что проводимая в России денежно-кредитная политика объективно влечет колонизацию российской экономики иностранным капиталом [2]. В духе конспирологии он трактует взаимодействие ЦБ с МВФ, который «влияет на политику Банка России не только посредством периодических указаний, но помогая внедрять соответствующие методики: экономико-математические модели, формальные представления о взаимозависимостях макроэкономических параметров» [3, с. 134]. На самом деле использование достижений экономической науки, рекомендованных иностранными учеными, не может свидетельствовать о приверженности руководства ЦБ к «чуждым стране интересам» или создавать опасность «колонизации». Экономист А. Недосекин идет дальше и утверждает, что ЦБ был создан в порядке контрибуции в пользу «фешенебельных» стран и является лишь формально независимым, а на деле превратился в филиал «вашингтонского обкома» (ФРС), а Россия – в колонию, замаскированную под независимую страну. Он предлагает Центробанку набраться патриотизма и очистить себя от влияния «пятой колонны» [10, с. 20, 21, 29].

Организованные государством публичные кампании по дискредитации и устранению политических оппонентов посредством их голословных обвинений в связях с враждебными иностранными силами являлись важным элементом внутренней политики в советский период и служили упрочению монополии власти правящей коммунистической партии. Предпосылки широкого распространения агентомании были обусловлены отсутствием демократических традиций и конспирологическим характером внутренней политики в царской России, доминированием в советском обществе марксистской идеологии. Инструментами агентомании служили пропагандистские кампании в средствах массовой информации, привлечение трудящихся к поиску «агентов», бездоказательные обвинения и показательные уголовные процессы. В современной политике элементы агентомании проявляются в высказываниях некоторых критиков оппозиции, в использовании термина «иностранный агент» для обозначения некоммерческих организаций с иностранным финансированием, для обоснования нерыночных «мобилизационных» сценариев экономических реформ.

1. Александров, Г.Ф. Космополитизм – идеология империалистической буржуазии [Текст] / Г.Ф. Александров // Вопросы философии. 1948. № 3. С. 184–185.

2. Глазьев, С. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике [Текст] / С. Глазьев // Вопросы экономики. 2014. № 9. С. 13–29.

3. Глазьев, С. О таргетировании инфляции [Текст] / С. Глазьев // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 124–135.

4. Дело о писателе А.И. Солженицыне [Текст] // Источник. 1993. № 5. С. 88–101.

5. Документы из архива ЦК КПСС по делу А.И. Солженицына [Текст] // Континент. 1993. № 75. С. 160–229.

6. Жданов, А.А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград» [Текст] / А.А. Жданов // Звезда. 1946. № 7–8. С. 7–22.

7. Красс, Э.Я. Парламентская деятельность А.Д. Сахарова [Текст] / Э.Я. Красс. Харьков: Фолио, 1998. 120 с.

8. Ленин, В. Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории [Текст] / В. Ленин // ПСС. Т. 26. М.: Политиздат, 1961. С. 266–272.

9. Милютин, В.П. Контрреволюционное вредительство в сельском хозяйстве [Текст] / В.П. Милютин // Кондратьевщина. М.: Коммунистическая Академия, 1930. С. 5–23.

10. Недосекин, А.О., Рейшахрит Е.И. Мобилизационная экономика по-русски. [Текст] / А.О. Недосекин, Е.И. Рейшахрит. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2015. 152 с.

11. Процесс антисоветского троцкистского центра [Текст]. М.: Юридическое изд-во, 1937. 258 с.

12. Фатеев, А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. [Текст] / А.В. Фатеев. М.: Институт российской истории РАН, 1999. 280 с.

13. Фельштинский, Ю.Г. Германия и революция в России. 1915–1918. [Текст] / Ю.Г. Фельштинский. М.: Центрполиграф, 2013. 512 с.

14. Фуллер, У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России [Текст] / У. Фуллер. М.: Новое лит. обозрение, 2009. 376 с.

15. Харитонов, Н. Промпартия – агент империализма [Текст] / Н. Харитонов. М.: Гос. военное изд-во, 1930. 40 с.
16. Хрущев, Н.С. О культе личности и его последствиях. Доклад на XX съезде КПСС [Текст] / Н.С. Хрущев // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.
17. Чуев, Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин [Текст] / Ф.И. Чуев. М.: Олма-Пресс, 1999. 736 с.
18. Шпионам и изменникам Родины нет и не будет пощады [Текст]. М.: Партиздат, 1937. 68 с.

References

1. Aleksandrov G.F. (1948) *Voprosy filosofii,* no. 3, pp. 184–185 [in Rus].
2. Glazyev S. (2014). *Voprosy ekonomiki*, no. 9, pp. 13–29 [in Rus].
3. Glazyev S. (2015). *Voprosy ekonomiki,* no. 9, pp. 124–135 [in Rus].
4. Delo o pisatele A.I. Solzhenitsine (1993). *Istochnik*, no. 5, pp. 88–101 [in Rus].
5. Dokumenty iz arkhiva TK KPSS po delu A.I. Solzhenitsina (1993). *Kontinent,* no. 75, pp. 160–229 [in Rus].
6. Zhdanov A.A. (1946) *Zvezda,* no. 7–8, pp. 7–22 [in Rus].
7. Krass E.Y. (1998) Parlamenskaya deyatelnost' A.D. Sakharova. Kharkov, Folio, 120 p. [in Rus].
8. Lenin V. (1961) *PSS,* tom 26. Moscow, Politizdat, pp. 266–272 [in Rus].
9. Milyutin V.P. (1930) *Kondratyevshchina*. Moscow, Kommunist. Akademiya, pp. 5–23 [in Rus].
10. Nedosekin A.O., Reyshakhrit E.I. (2015). Mobilizatsionnaya ekonomika po-russki. St. Petersburg: Izdatelstvo Politekhnicheskogo Universiteta, 152 p. [in Rus].
11. Protsess antisovetskogo trotskistskogo tsentra (1937). Moscow, Yuridicheskoye izdatelstvo, 258 p. [in Rus].
12. Fateev A.V. (1999) Obraz vraga v sovetskoy propagande. 1945–1954. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN, 280 p. [in Rus].
13. Felshtinskiy Y.G. (2013) Germaniya i revolyutsiya v Rossii. 1915–1918. Moscow, Tsentrpoligraf, 512 p. [in Rus].
14. Fuller W. (2009) Vnutrenniy vrag: shpionomaniya i zakat imperatorskoy Rossii. Moscow, Novoye lit. obozreniye, p. 376 [in Rus].
15. Kharitonov N. (1930) Prompartiya – agent imperializma. Moscow, Gosvoenizdat, 40 p. [in Rus].
16. Khrushchev N.S. (1989) *Izvestia TK KPSS*, no. 3, pp. 128–170 [in Rus].
17. Chuyev F.I. (1999) Molotov: poluderzhavnyi vlastelin. Moscow, Olma-Press, 736 p. [in Rus].
18. Shpionam i izmennikam Rodiny net i ne budet poshchady (1937). Moscow, Partizdat, 68 p. [in Rus].

UDC 323.282

AGENT MANIA AS A TOOL OF INTERNAL POLICY OF SOVIET POWER

Korneychuk Boris Vasilyevich,
National Research University
"High School of Economics" (branch),
Professor of the Department
of Economics,
Doctor of Economics, Professor,
Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: bkorneychuk@hse.ru

Annotation
The author defines the notion "agent mania", studies the institutional roots and historic forms of agent mania. The article considers functions and mechanism of agent mania in the soviet period and shows the elements of agent mania in modern Russian politics and economics.

Key concepts:
foreign agent,
spy mania,
stalinist purges,
dissidents,
soviet history.